

18+

ЮРИЙ ЛЮБУШКИН

**УКАЗОМ
НАГРАЖДАТЬ
НЕ ПРЕДУСМОТРЕНО**

ПРОЗА XXI ВЕКА

НП "ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕСПУБЛИКА"
МОСКОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Юрий Любушкин
Указом награждать
не предусмотрено.
Проза XXI века

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63755508
ISBN 9785794908282*

Аннотация

«УКАЗОМ НАГРАЖДАТЬ НЕ ПРЕДУСМОТРЕНО...» – повесть, посвящённая героям-пограничникам и их четвероногим питомцам, храбро сражавшимся и погибшим во время Великой Отечественной войны. Это книга об офицерах, которые «Смертью смерть поправ», остались верными присяге, спасая мир от коричневой чумы ценой собственной жизни во имя грядущих поколений. Оценка главных героев глазами врага будет интересна каждому вдумчивому читателю.

Содержание

УКАЗОМ НАГРАЖДАТЬ НЕ ПРЕДУСМОТРЕНО...	6
ПРОЛОГ	8
Глава 1. Слухи	12
Глава 2. Пограничник – сын пограничника	19
Глава 3. «Но пасаран!»	29
Глава 4. В Москву!	43
Глава 5. Уже шла война...	50
Глава 6. Особая миссия	61
Глава 7. Первый трофей и «Очи черные» в деревне Веселки	71
Глава 8. Октябрьским вечером	80
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Указом награждать не предусмотрено Проза XXI века

Юрий Любушкин

НП «Литературная Республика»

Благодарности:

ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕСПУБЛИКА

Директор издательства: Бояринова О. В.

Руководитель проекта: Крючкова А. А.

Редактор: Петрушин В. П.

Вёрстка: Измайлова Т. И.

Обложка: Крушинина В. А.

Книга издаётся в авторской редакции

Возрастной ценз 18+

Печать осуществляется по требованию

Шрифт Serif Ingenuе 11

ISBN 978-5-7949-0828-2

ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕСПУБЛИКА

Издательство

Московской городской организации

Союза писателей России

121069

Россия, Москва

ул. Б. Никитская, дом 50А/5

2-ой этаж, каб. 4

В данной серии издаются книги

авторов, пишущих на русском языке

в XXI веке

Электронная почта: litress@mail.ru

Тел.: + 7 (495) 691-94-51

© Юрий Любушкин, 2021

ISBN 978-5-7949-0828-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

УКАЗОМ НАГРАЖДАТЬ НЕ ПРЕДУСМОТРЕНО...

*Героям-пограничникам
и их беззаветным
четвероногим питомцам,
погибшим при обороне Москвы
в лихую годину
Великой отечественной войны
посвящается...*

*«А нас покориться
никто не заставит...»
Анна Ахматова (1941)*

*«Ты помнишь, Алеша,
дороги Смоленщины...»*

*«Ты знаешь, наверное, все-таки Родина
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти проселки, что дедами пройдены
С простыми крестами у русских могил...
Нас пули с тобою пока еще милуют,
Но трижды поверив, что жизнь уже вся,
Я все-таки горд был за самую милую,
За Русскую землю, где я родился...»
К. Симонов*

СЛОВО ОТ АВТОРА

О чем же эта книга?.. О войне. О драме человека на войне, когда он в силу чудовищных обстоятельств один на один противостоит беспощадному молоху войны, когда суть свою проявляет не светлая полоса жизни, а мрачное жуткое окаянство смерти. Эта книга о мужестве, доблести и чести, о горе, муках, страдании и боли на самой страшной из войн, когда-либо выпадавших на долю нашей страны. А еще эта книга об офицерах, о их высоком долге служения Отчизне и не важно, кто он: представитель особого отдела армии, пограничник с заставы, командир танковой роты или обыкновенный пехотный комбат. И все они, «Смертью смерть поправ», оставаясь до конца верными присяге, спасали мир от коричневой чумы ценой собственной жизни во имя грядущих поколений. И это не высокопарные слова, отнюдь. Это суть происходящего в самые трагические дни и месяцы далекого теперь уже 1941-го года, когда на кону в яростном противостоянии с лютым бесчеловечным врагом стояла, немного-немало, свобода и независимость нашего государства. Я попытался взглянуть на последние мгновения жизни моих героев, на их ратный подвиг с противоположной стороны, глазами лютого врага – немецко-фашистских оккупантов. Опыт, конечно же, не новый в мировой классике: оценить главного героя глазами его врага. Но сделать это было не просто. Я бы сказал архисложно. Я старался, а уж как получилось – судить вам, дорогой мой читатель!

ПРОЛОГ

В те победные майские дни на ступенях Рейхстага было не протолкнуться от наплыва желающих оставить свои автографы на его стенах. Вся география огромной страны была в этих надписях. Каких только названий городов и весей под именами победителей не было выведено в эти дни.

Радуйся душа! Будем жить! Победили! Ах, какая сейчас будет жизнь после победы! Ах, какая жизнь...

А уж если тут и сейчас кому-то повезет запечатлеть себя на фото с боевыми друзьями – однополчанами, – вообще здорово. Счастливчики!.. Как же, вот они, а вот поверженное логово зверя. Господи, сколько же ждали этой минуты, этого часа, пройдя через такое пекло, через такой ад! Не верится даже, что дошли. А ведь дошли, дотопали, доползли, пропахав по-пластунски полеворопы. Праздник-то какой, какой сегодня на дворе праздник! Раз в жизни бывает такое в судьбе солдатской. А коль уцелели в этом аду, в этой жуткой круговерти и живы остались – все ранения и контузии не в счет, гуляй не хочу!

Эй гармонист, жарь плясовую, не жалей! Давай, давай шибче! Эээх!.. Ааах! И-ии-ух, славяне! Будем жить! И ты, баянист, коль вступил в общий хор праздника, рви не жалей меха. Слышишь, браток, давай, давай наяривай! Ай-молодца, вот это по-нашему!

Душа праздника просит, душа сегодня нараспашку... Ээ-эх, мать честная, праздник-то какой – Победа! По-бе-да-аа!..

В один из таких дней, рассекая восторженную сутолоку победителей, по разбитым ступеням бодро подымался майор в сопровождении старшины. Последний нес в руках банку с краской и кисточку. Понятно, тоже хотят оставить память о себе. И никто бы не обратил на них особого внимания, если не одно «но». Впрочем, таких «но» было несколько.

Судите сами – был майор молод не по годам. Ну совсем мальчишка. Всякое бывало на войне, всякое. И такие вот мальчишки становились запросто старшими офицерами.

Немудрено, коль заслужил. Что еще бросалось в глаза? Награды... Судя по ряду орденских планок и нашивкам за ранения – в том числе и тяжелые, вон рука покалечена – в тылу майор явно не отсиживался, воевал храбро и отважно. Сразу видать, свой брат, фронтовик. Много повидал. Дай, бог, каждому...

А вот васильковый цвет околыша фуражки и такие же просветы на золотых пагонах, напрямую говорили о принадлежности бравого офицера, в ладно сидящем кителе, к грозному военному ведомству под названием СМЕРШ.

СМЕРШ... Мать честная, кто ж из фронтовиков не слышал о дерзких, смертельно опасных операциях контрразведчиков – смершевцев за линией фронта? Больше, конечно, наслышаны были о бесконечных стычках – не на жизнь, а на смерть – с группами немецких диверсантов, заполнив-

ших ближайшие прифронтовые тылы, особенно в первые годы войны. Да и потом горячо было. Хватало им «работенки». Хватало...

Земля, как известно, слухами полнится. На то оно и солдатское «радио». Что-то узнавали, что-то сами «уразумляли». И на ус мотали: серьезные мужики там, бедовые.

Слухи слухами, но подробностей, конечно же, не знали. Да и откуда же их узнать? Ведомство серьезное, секретное, одно название – «Смерть шпионам!» – в дрожь и трепет любого приведет. Ну, а те слухи, что доходили до окопов переднего края, солдатская молва смаковала уважительно. А попробуй-ка заслужи такой авторитет у тех, кто на «передке» не один год со смертью в обнимку. И так изо дня в день, из месяца в месяц. То-то же...

Значит заслужили такое уважение, контрразведчики-смершевцы, когда о них просто и значительно одновременно рассуждали бывалые окопники: «Вояки еще те. Ого-го-о! Палец в рот не клади. С фрицами не чикаются. Любого мордой в землю уроют в два счета, Это им дело плевое. Вот бы все так воевали, то и Гитлеру с его „сворой“ полный „звездец“ настал бы еще в сорок первом...»

«Это им дело плевое» – как девиз на знамени СМЕРША. А то!

Но только такое на войне отвагой и ратным трудом завоевывается. Потом и кровью. И смертью своих друзей. Да и погляди на любого из них. И что же? Практически у каждого

седой ежик волос. Значит досталось им на этой войне. Наверное, как никому. На то он и СМЕРШ. А сейчас? После победы? Для кого, для кого, а для них война продолжается во всей своей изуверской ипостаси. Оуновцы, сиречь бендеровцы, аковцы, «Лесные братья», а то и просто банды уголовников, – какой только нечисти не ошивается и не лютует в наших тылах. А нечисть эта изощренным зверством и подлым коварством переплюнет даже свору самых отпетых и оголтелых карателей. Попробуй одолей эту нечисть! Это лютый враг, всякого там сброда хватает. И схватка с ними будет почище, чем с немецкими диверсантами! И это значит война для СМЕРШа не сегодня закончится и уж точно не завтра. Эх мужики, мужики... Но об этом вряд ли кто задумывался здесь, на ступеньках Рейхстага, в первые дни всеобщего ликования. В общем, молод был майор контрразведчик, хотя... Не только его молодость бросалась в глаза. Сетка тонких морщинок возле глаз многое говорила бывалым людям. Видать хлебнул человек лиха через самый край, несмотря на свою молодость. Сколько же жутких передрыг и смертельных схваток за его плечами? Мальчишка же еще совсем...

Тем временем майор привычным жестом поправил черную кожаную перчатку на левой руке и стал выводить на почерневшей от копоти стене...

Глава 1. Слухи

Ему везло. Страшно везло все эти месяцы, начиная с форсирования Буга в районе Бреста, где с восходом солнца среди дымящихся развалин он видел не только трупы советских пограничников, но и застывшие в страшной смертельной гримасе безжизненные лица своих однополчан, солдат своего батальона. Сколько же было их, этих лиц на пути к Москве? Всех он теперь уже и не вспомнит.

Но недаром его прозвали в полку Шульце-везунчик. Он пережил и настоящий ад в затяжных боях возле Смоленска. И что же? Ни одной царапины. Все как с гуся вода. И вот – на тебе! Надо же было такому случиться – закончилось его везенье. И это когда до русской столицы всего-то ничего: рукой подать. Когда им предстояло с триумфом пройти по Кремлю – такая невезуха. Вот уж точно – проруха судьба... Или ему просто-напросто изменила фронтовая удача? Как знать, как знать...

Но нет худа без добра – утешал он себя, истекая кровью среди кочковатого русского поля: сперва госпиталь, а потом – наконец-то! – долгожданная встреча с Магдой. То-то будут сиять от радости ее глаза. Как же, муж герой! И железный солдатский крест, один из первых в роте украсивших его мундир, будет как нельзя кстати. А белокурая статная Магда будет светиться от счастья за своего ненаглядного Кур-

та, лоя завистливые взгляды подруг и знакомых. Как знать: может, к тому времени и его произведут в офицерский чин. И это будет вполне заслужено с учетом его послужного списка. А заслуги – дай Бог каждому. На десятерых фельдфебелей хватит. С лихвой.

За последние дни боев в роте, да что там в роте, во всех батальонах полка офицеров, как корова языком слизала. Неделю назад убило их командира роты. Железный был человек. Прошли с ним от Бреста до самой Москвы и... такая ужасная смерть. Жуть! Мало этим варварам их «молотофф коктейль», так они еще и волков стали натравливать на них. А говорят – это собаки... Чёрт знает этих проклятых русских: что сидит в их безумных башках. В полку только и разговоров про загадочных собак. Как они тут появились, никто не знает. Но появились же, чёрт их возьми!..

Слухи росли, множились, разрастались до невероятных размеров. Говорили, что это секретное оружие, и, как только они войдут в Москву, псов-людоедов выпустят из секретного бункера Сталина под Кремлем, и они будут заживо грызть и взрывать всех солдат Вермахта без разбора. А псов этих видимо-невидимо в жутких подземельях русской столицы. Так что...

Шульце слухам не верил, а только посмеивался высокомерно над малохольными. Ну и дела, нашли чем пугать друг друга. Детские страшилки да и только. Вот «Молотофф-коктейль» это конечно, да. Кошмарная реальность! Еще под

Смоленском он насмотрелся на обгоревших до неузнаваемости танкистов, застывших в самых невероятных позах на остовах сожженных боевых машин. Бр-рр!.. Неприятная картина. И все эти русские фанатики и их чертов молотофф коктейль. Вот таких заживо обгоревших у них в пехоте называли «угольками». Лучше не скажешь, хотя... Хотя, не приведи господи, оказаться на их месте. Но что для настоящего полноценного арийца какая там варварская собака, пусть хоть и волк – чепуха. Не такого закала он, Курт Шульце, чтобы верить всем этим слухам. Просто подустали парни, вот и сочиняют всякие небылицы. Но ничего, скоро они войдут в Москву, и все – война закончится для них... А танк во время атаки мог просто подорваться и на фугасе, что больше походит на правду. У страха, известное дело, – глаза велики. А только оставшиеся в живых все шептались по углам блиндажей. Шу-шу-шу. Забздели парни – вот и лезет всякая чепуха.

Выскочил прямо перед танком пес, то ли волк. Да какая к дьяволу разница?! Выскочил... Откуда он взялся? Да мало ли... А ты слушай и не перебивай. Откуда, откуда... Может, из ямы какой, может, из леса. Наверное оттуда. Оборона русских как раз там проходит. И вырос зараза, словно из-под земли. Неожиданно так. Нда-аа, дела... Сиганул пес одним махом под танк – только его и видели. В пылу атаки никто и значения этому не придал. Мало ли... Может, просто померещилось. Откуда здесь взяться собаке? Но только одни

утверждали, что видели, как от пса тянулся провод. Другие очевидцы заметили у него притороченные брезентовые под- сумки на спине. А еще... И каждый факт невероятней дру- гого. Тут и голова кругом пойдет. Все это так. Да только танк от взрыва подлетел в воздух и развалился на куски. Рвануло ого-го! Будь здоров! Ну и командир роты, шедший в цепи неподалеку от этого танка, и другие солдаты ушли в небытие. И следов никаких. Рвануло весь боезапас в машине. Шут- ка ли... Как говорится, одно мокрое место. Точнее, вообще ничего. Шульце и на этот раз повезло, хотя... Место его – в атакующей цепи на фланге, на стыке с соседней ротой бата- льона. Но и он узрел краем глаза этот адский взрыв. Понят- ное дело, так удачно начавшаяся атака вмиг захлебнулась. Куда же им в атаку без боевого командира? Отошли с боль- шими потерями на исходный рубеж вслед за повернувшими вспять танками. Проклятые русские! Чтоб им пусто было...

* * *

Особая папка!

Сверхсекретно экземп. единствен.

Выписка из аналитической справки

О Московском направлении

За первые две недели текущего месяца танковые подраз- деления группы армий «Центр» (генерал-фельдмаршал фон Бок) терпят постоянное поражение на подступах к пози- циям противника.

Противник на Московском направлении практически не имеет противотанковой артиллерии (в достаточном количестве). Тем не менее бронетанковые моторизованные части Вермахта несут значительный урон за счет применения русскими специально обученных собак с подрывными устройствами дистанционного действия. Предположительно по всей линии обороны русских действуют мобильные отряды (количество не установлено) НКВД с собаками-минерами. Необходимо констатировать колоссальный урон от боестолкновения с такими отрядами.

До н. времени нашей агентуре не удалось установить место дислокации центра подготовки специального обучения собак, ни структуру и организацию (тактику) действия таких диверсионных отрядов, ни их общее количество, задействованное против танковых сил (танковых групп, танковых армий) на Московском направлении. Все это говорит о сверхсекретности таких диверсионных центров (центра), выход на которые нашей агентуре практически недоступен. Вполне допускается, что такие центры (центр) находятся не в ближайшем тылу русских, а на Урале или в Сибири, где возможности нашей агентуры весьма ограничены.

Одновременно обращает на себя сам факт морального воздействия таких собак на л/состав передовых частей Вермахта. Повсеместно распространяются панические слухи о невозможности бороться с такими собаками-минерами. Упорно сеются слухи и о несметном количестве (подчерк-

нуто красным карандашом) таких собак. Отдельные лица утверждают, что это дрессированные волки, которые будут нападать огромными стаями на л/состав Вермахта в оккупированной Москве. Особо важен тот факт, что в большинстве случаев такие слухи практически не пресекаются офицерским составом на уровне взвод, рота, батальон. А в некоторых случаях муссируются даже офицерским составом.

Все вышеизложенное свидетельствует о заранее спланированной НКВД подготовке к противостоянию с танковыми армиями Вермахта и нахождению для этого оптимального и доступного способа (собаки) и эффективного его применения в деле.

Начальник 1-го (Восточного)
направления Абвера,
Генерал-лейтенант <...>
«...» октября 1941
Восточный фронт, Smolensk

Резолюция шефа Абвера, адмирала Канариса:

1. Срочно ориентировать всю агентуру, задействованную в тылу русских, на выявление любых сведений (количество, организация, тактика, способ обучения и т.п.) о таких мобильных диверсионных отрядах с собаками-минерами и установления места дислокации центра (или центров) подготовки таких отрядов.

2. 1-му (Восточному) направлению Абвера спланировать и провести в течение 2-х недель диверсионными подразделениями Абвера при штабе группы армий «Центр» ряд операций по уничтожению таких отрядов противника при передвижении их к линии (вдоль линии) фронта, а также к захвату «языка» из числа военнослужащих таких отрядов. Место, время проведения и численность личного состава, задействованного в таких операциях планировать по обстоятельствам, с учетом оперативной обстановки.

3. Все полученные сведения (п.п. 1—2) немедленно передавать мне лично во внеочередном порядке.

4. Ознакомить с данной справкой высшее командование Вермахта.

«Ознакомлены»:

Главком Сухопутных войск

фон Браухич

«...» октября 1941, Берлин

Начальник Генерального Штаба Сухопутных войск

Генерал-полковник

Франц фон Гальдер

«...» октября 1941, Берлин

Глава 2. Пограничник – сын пограничника

В Москву Никиту провожали всей заставой. Он и сам не скрывал своей радости. Еще бы! Скоро он увидит маму, знакомые с детства и такие родные улочки Замоскворечья. Часто-часто в своих снах он пробегал жарким летним полднем по их тенистым лабиринтам в свой уютный двор, сплошь заросший березами и высоченными тополями, чтобы услышать из окна второго этажа, распахнутого навстречу солнечным бликам, зачарованно-ласковый голос мамы: «Никита! Обедать!»

А рядом Леда, еще щенок, радостно виляя хвостом, залиристо и восторженно лаяла, перескакивая через несколько ступенек – быстрее, быстрее к порогу родного дома. И довольная – опередила-таки своего запыхавшегося молодого хозяина – поскуливала от нетерпения у обитой клеенкой двери – «Открывайте! Пришли! Ну же!»

А сколько было еще таких счастливых светлых снов? Да разве их сосчитать. Да и зачем... Счастье оно и есть счастье. Его арифметикой не измеришь. А только душой и сердцем.

Одно настораживало его: срок командировки не был упомянут ни в приказе, ни в командировочном удостоверении. А только указано, что «необходимо явиться в распоряжение

представителя в/ч № такой-то...» и все. Сразу же по прибытии в Москву. Ну это-то понятно: «сразу» и «по-прибытию». Дело-то военное. Приказ. Лишь кадровик в отряде, выписывая документы, скупо сообщил ему под большим секретом:

– Повезло тебе, младший лейтенант. А, впрочем, уже лейтенант. Извини. Приказ пришел оттуда.

И он многозначительно поднял указательный палец вверх. Ну оттуда, так оттуда... Перед большим начальством он не тушевался, да и Леда его никогда не подводила. Не овчарка, а настоящий клад. Умница. Таких собак поискать надо. И следовую работу выполняет на пять, и выборку осуществляет безошибочно, перекрывая все нормативы и на нарушителя бесстрашно идет. И в секрете может часами вместе с ним сидеть, ничем не выдавая себя. И... Да и мало ли чего она еще может. Вообще настоящее сокровище для проводника служебных собак погранвойск. А сколько грамот и призов было взято на различных конкурсах и соревнованиях – не счесть. И это всего лишь за два года.

И вот теперь оба едут в Москву. Жаль ребят и расставаться с ними нелегко. Какая-то смутная тревога не покидала его при прощании с родной заставой. Так ведь это ненадолго. Наверное, ненадолго... Вот и ребята на проводах говорили: «Ну товарищ лейтенант, как парад закончиться, сразу домой».

Конечно же, домой. На заставу. А куда еще? Граница для него – второе я. Вся его суть. Только почему все решили,

что едет именно на парад, он и сам не знал. А, впрочем, если в Москву, да еще с собакой, то куда еще? Ведь Первое мая на носу.

Свыкся он с нелегкой службой пограничника за два года. Сам с детства мечтал и грезил стать пограничником. Таким, как его отец, геройски погибший в бою. И, конечно же, примером для него был – еще с младших классов – его легендарный тезка Никита Карацупа со своим верным Ингусом. Спал и видел себя вместе с ними в таежных дебрях дальневосточной границы. Мы – начеку! Враг не пройдет! Сам ходил в ОСОВИАХИМ и занимался в секции собаководства. Сказать «занимался» – значит ничего не сказать. Учился служебному собаководству и работал со служебными собаками словно одержимый. Чувствовал: его это дело. И дело всей жизни. И что удивительно – собаки любили и понимали его. Будто чувствовали всем своим собачьим нутром, что это настоящий наследник Карацупы. Или, что сам легендарный герой-пограничник снизошел к ним со своей головокружительной высоты, разделив поровну на всех свое большое любящее сердце. Кто знает, возможно, так и было в их песьих душах.

А любовь четвероногих к своему покровителю многое значит. Это уже залог успеха в связке собака-человек. Это высшая гарантия того, что собака никогда не подведет, не струсит и не предаст. Пусть хоть на вас идут тысячи вооруженных до зубов бандитов. Да она, собака, жизнь свою

отдаст за любимого человека, не задумываясь и на долю секунды. А это... Это дорогого стоит.

Опытные инструкторы, наблюдая за успехами юного Никиты, только цокали языками: «Надо же! Совсем пацан, а как может – высший класс! Это же прирожденный талант». Талант талантом, прирожденное уменье тоже со счетов не сбросишь, а вот пота за годы упорного труда было пролито не мало, а уж волдырей да мозолей от грубого брезентового поводка на мальчишеских ладонях не сосчитать. Без этого не стать настоящим проводником служебной собаки. Никогда. Но когда, как лучший из лучших курсантов, Никита Большаков получил при выпуске в подарок настоящего породистого щенка, радости его не было границ. И мама с дедом не могли нарадоваться за него. Не только они, а весь класс пришел поздравить Большакова-младшего: молодец, Никита!

– Ух, ты-ты... – слышались восторженные возгласы одноклассников.

Кто-то из них впервые перешагнул порог такого солидного учреждения. Еще бы – все здесь по-настоящему, по-военному. Здорово! Одним словом ОСОВИАХИМ.

А фотография Никиты украшала стену на самом видном месте в фойе: «Наши лучшие выпускники». Как он здесь походил на своего отца: те же упрямые губы, волевой подбородок, и, главное, глаза, глаза. Про такую схожесть говорят «как две капли воды». Предательская влага наполнила мамины глаза. Еле-еле удерживалась, чтобы не разреветься.

Нельзя, нельзя в такой торжественный день. Нельзя мальчику портить праздник. Хотя причина для слез была одна – боялась потерять своего родного ненаглядного мальчика, который спал и видел себя, как и отец, пограничником. Даром, что в изголовьи кровати его портрет отца с орденом на груди в окружении портретов улыбающегося Сталина на трибуне Мавзолея и Никиты Карацупы со знаменитым Ингусом.

Хотя мама в душе надеялась, что его успехи в школе, особенно по математике и физике, возьмут все же верх свое. Честно: не хотела она, чтобы и Никита связал свою жизнь с суровой профессией, как и его отец. Надеялась... Но сыну не перечила. Пусть сам решает. Он уже совсем взрослый. А что собак безоглядно любит, так это не самое плохое мужское достоинство. Добрый мальчик будет и добрым мужчиной. Хоть в жизни доброму человеку всегда почему-то именно труднее всех, но пусть будет так. А не по-другому.

Итак, под аплодистменты на выпускном вечере в ОСА-ВИАХИМЕ, в их размеренную жизнь вошел еще один член семьи, утвердив себя всеобщим любимцем жизнерадостным звонким лаем.хлопот и забот в их маленькой, но дружной семье, «паровозной команде», как пошучивал дед, теперь изрядно прибавилось. А то! Щенок он и есть щенок. За ним глаз да глаз нужен. Хорошо, что дед целыми днями дома, превратился в заботливую няньку. А что не сделаешь ради любимого внука? Ну а Никита сразу после школы – домой, на смену деду. Полгода пролетело махом. И стала их Леда –

Ледушка настоящей красавицей, мощной, статной, ладной овчаркой. Куда только подевалась былая неуклюжесть лопухого щенка? Месяц, другой и – гадкий утенок превратился в принца-лебедя. Так и их умница Леда вошла в жизнь королевой бала.

Будто вчера только все это было. А вот теперь они вместе в Москву едут. В Москву!..

Жаль, что дед не дожил до этого светлого дня, а то порадовался бы за своего любимого единственного внука. Вот была бы радость!

– Полагаю так, – разглагольствовал довольный за внука дед. Это после того, как Никита по призыву уехал служить на западную границу! – Лазарь Моисеевич* не в обиде будет на старого машиниста. Коль не стал наш Никита машинистом паровоза или на худой конец командиром бронепоезда (значение машиниста дед все же превозносил выше роли командира), будет настоящим пограничником.

И добавлял усмехаясь в седые усы:

– Я лично не в претензии. Граница – надо понимать, тоже толковых людей требует на свою охрану.

На все сто процентов оказался прав Большаков-старший, на все сто...

Большим балагуром и весельчаком был дед Никиты. Казалось, никакие беды не могли сломить его. Даже гибель любимого сына лишь добавила седины в голову и все. Но так лишь только казалось. После отъезда Никиты с Ледой он как

потерянный бродил по опустевшей квартире и вздыхал горестно:

– Эх-ма-а, жизнь... Нда-аа...

И часто подолгу курил на балконе, прикуривая новую папиросу от докуренной до основания мундштука «Беломорины». Мать ворчала на деда:

– Пожалей себя. Хватит дымить. Слышишь, старый?

И пугала свекра нешуточно:

– Будешь столько курить – положу тебя к себе в госпиталь на обследование. Узнаешь тогда. Там тебя враз образумят. Почему еще не ужинал?

– Да как-то не хочется одному. Кусок в горло не лезет. Тебя ждал, – отнекивался дед. – Вместе оно веслее...

Мама у Никиты хоть и рядовая сестра милосердия, но на хорошем счету. Ее ценят. Руки у нее золотые и душа тоже. Потому она и лучшая из среднего персонала в Центральном Госпитале Красной Армии. И дома у нее автортет непререкаемый. А для деда, ни разу в жизни ничем не болевшего, больничная койка – мука горькая. Он себя и представить не мог в больничной пижаме. Да и расставание с привычным бытом для него – вообще немислимое испытание. Поэтому угрозы невестки действовали. Но что ни говори, а сдал дед, сильно сдал за последний год. Но еще хорохорился по-привычке:

– Я еще правнуков дождусь. Уж правнука я точно воспитаю машинистом.

Выше и достойнее звания машиниста паровоза дед не признавал никакой другой мужской профессии. Ну разве что пограничника. И то, скрепя сердцем. Сам машинист в третьем поколении, дослужившись до этой должности, начиная с кочегара, он сына своего, Большакова-младшего, видел только стоящего за рычагами паровоза. Естественно, в должности машиниста. И все шло к этому. И семейная династия должна была продолжаться по раз и навсегда накатанной колее. А как иначе? Иначе и не могло быть. Но... Но наступил семнадцатый год. Грянула одна революция, другая, а за ними, лиха беда – начало, запылало пламя Гражданской войны. Страшное смутное время. И стали оба Большаковы водить бронепоезда в Красной Армии. Отец, соответственно, машинистом, а сын поначалу был у него в помощниках. И тут лихая судьба закрутила в немыслимый водоворот событий и их судьбы, раскидав по разным концам огромной страны. Да и немудрено было в то беспокойное кровавое время потеряться друг с другом. Слава Богу, не на всегда.

Стал Большаков-младший комиссаром в Красной коннице. Ну и покидала его судьба на Гражданской по белу свету, помытарила, в том числе и по госпитальным койкам. Хлебнул лиха. Через край. Сполна ему военная судьбинushка все отвесила. Доверху. Выдала с довеском.

С отцом виделся за все эти годы пару раз и то находу. Случайно. Только и успел сообщить ему при последней встрече, что женился и сейчас отправляют его отряд укреплять гра-

ницу в Туркестане. Хотел бы вернуться к отцу на паровоз, да куда там: начальство не отпускает. А молодую жену, сестру милосердия, пусть лучше приютит у себя. Пока он в дальних краях будет нелегкую службу нести. Рожать ей скоро. Ну а коль сын родится, быть первенцу машинистом. Вот тогда деду и подмога бедет и смена достойная в наступающей мирной жизни. И будут вместе гнать составы по гудящим рельсам вперед, вперед, вперед. Туда, где они сходятся у горизонта. На том и решили...

Мать Большакова-младшего умерла от сыпного тифа, что свирепствовал в ту лихую годину, так что осиротел их дом без хозяйки. Но, как видно, ненадолго. Сошлись характерами старший Большаков и молоденькая сноха. И за дочь была и за хозяйку. На всем была печать заботливой женской руки, радетельницы семейного очага в их небольшой квартире. Уют и покой, внук подрастает. Смышленный, ласковый, умный. Чего еще для старости пожелать?

Большого счастья и не сыскать. Одно огорчало: изредка бывал дома сын, наскоком. Как красное солнышко – только прибыл и уже обратно в путь-дорогу собирается. Служба. Тут уж ничего не попишешь. А служба нелегкая – пограничная. Постоянно стычки с басмачами в этом самом Туркестане. А по сути – война там не прекращалась ни на день ни на час... И сияет красный орден на груди молодого командира-пограничника, и сияет, светится белозубая улыбка:

– Ничего, батя, не журишь, родная, обещают скоро в ака-

демию направить, вот тогда и заживем все вместе... Эх, что это за жизнь будет – счастье полной чашей!

И летел при этих словах маленький Никита высоко-высоко, к самому потолку. И радостно хохотал, попадая обратно в сильные и ловкие руки отца.

– Расти, пограничник! Расти, мой родной!

Эх и лететь бы вот так, не переставая, и чтобы вся жизнь неслась как эти радостные мгновения. Э-ээ-х!.. И чтобы счастье никогда не прерывалось и было полной чашей до краев. Э-ээ-х!.. И светло и радостно было у всех на душе – скоро, совсем скоро все вместе будут. И тогда жизнь потечет, как один большой и нескончаемый праздник на всех.

Скоро! Теперь уже совсем скоро...

** Л. М. Каганович – в то время народный комиссар НКПС, один из сподвижников Сталина.*

Глава 3. «Но пасаран!»

Но страшная весть черным крылом надолго (а может, и навсегда?) омрачила их веру в скорое светлое будущее... Погиб отец Никиты незадолго до своей отправки в Москву, в академию. В жестоком бою, когда прорывалась огромная банда с сопредельной стороны на нашу территорию, оборвала злая басмаческая пуля яркую бурную жизнь молодого талантливого командира. Оборвала на самом взлете. Только и запомнил маленький Никита эти мгновения счастливого полета – вверх-вверх, все выше и выше – на отцовских руках, до сияния лучиков солнца на эмали красивого красного ордена.

– Вот станешь пограничником, обязательно такой заслужишь.

Эти слова отца, как напутствие в большую жизнь – «заслужишь»... А он станет взрослым, обязательно заслужит. Заслужит. А иначе и быть не может. Он, сын пограничника, будет пограничником! И никем другим...

Теперь дед в их доме им за отца и за деда одновременно. Только... Только сдал дед. Сильно сдал после гибели сына. Поэтому и огорчать его нельзя. Ни в коей мере... И усвоил Никита один из главных уроков жизни: коль уж взялся за гуж, не говори, что не дюж. Дал слово – держи его. Ты же будущий мужчина. А настоящий мужчина слов на ве-

тер не бросает. Это тоже было присказкой любимого Никитой человека, его деда. И старался он изо всех сил, чтобы во всем угодить деду и маму порадовать. Хотя, к слову сказать, дед-то с него лишнего и не требовал. Видел, как малец после гибели отца из кожи вон лезет, старается. Что и говорить, хорошим внуком и сыном рос Никита, не наладуешься на него. А пошел в школу – круглый отличник. И так до десятого класса. Фотография его не сходила со школьного стенда «Ими гордится наша школа». Что ни говори, молодец Никита Большаков. Достойная смена растет.

А что касается ОСОВИАХИМа, то это отдельная песня... Ода. А вот школьные учителя прочили ему большое будущее математика или физика. Не сомневались – только университет при таких блестящих способностях юноши. Ну а после, конечно же, аспирантура. Не должен он свои таланты в землю зарывать. Это было бы просто преступлением. А там, глядишь, на них со страниц газет смотрит и улыбается своей замечательной улыбкой молодой советский академик. Да это же... Никита Большаков! Их ученик! Краса и гордость школы. Только в такой роли и таким в жизни они видели этого способного юношу. И все, казалось, к этому идет. Все пути-дороги...

Но это была другая эпоха. Эпоха настоящих мужчин, плеяда подлинных героев. Громов, Чкалов и Карацупа не сходили с мальчишеских уст. А папанинцы, а полярные летчики? Есть, с кого брать пример в большой красивой стране

под названием СССР. А они, мальчишки той поры беззаветно любили свою страну. И по-другому быть не могло. Таланты талантами, но проявил юный Большаков отцовский характер: мужчина обязан Родину защищать. И посему должен быть военным, пограничником. Какие тут сомнения? Ведь отец, шагнувший в бессмертье, ни минуты в этом не сомневался: «Расти, пограничник». И сын должен занять в строю место отца, погибшего в бою. Это вовсе не громкие и высокопарные слова. Отнюдь. Этим жила и гордилась по праву вся огромная страна.

В пограничники? Что ж, пожалуйста... И военком на призывной комиссии не возражал, только спросил у Никиты:

– А как же университет при ваших-то способностях? Не пожалеете?

И начальник городского ОСОВИАХИМа написал ходатайство – в погранвойска. Уж кто-кто, а он знал об истинном призвании парня. Он-то в свое время и предложил первым подарить Никите при выпуске породистого щенка. В коридоре Никиту догнал один из братьев Сычевых, Николай.

– Товарищ лейтенант, если будет возможность, к нашим, пожалуйста заедьте. От Москвы же рукой подать до нашей деревни. Да вы и сами знаете... Для отца с матерью – настоящий праздник будет. Сами понимаете. Да и встретят как родного.

– Постараюсь Николай, обязательно постараюсь. Только с чего это ты меня в звании повысил?

– А ни с чего, – заговорщески подмигнул ему один из лучших сержантов на заставе, – я сегодня, перед сдачей дежурства, когда телефонограмму из отряда принимал о вашей командировке в Москву, услышал от дежурного по отряду такую новость, не для записи: пришел приказ о присвоении вам досрочно звания лейтенант. Сам нарком приказ подписал. Вот так-то. Поздравляю! В Москву поедете уже с двумя кубарями.

Вот тебе и раз! Даже не верилось. Сюрприз за сюрпризом... Дед бы точно, доживи он до этого дня, был бы на седьмом небе от счастья за любимого внука. Частенько он маме не без гордости говорил:

– В Большаковых Никита пошел. Наш корень! Наш... Глянь на него – вылитый отец.

Мать словно током пронзало «вылитый отец». И чем старше становился сын, тем больше и больше походил на своего отца. Поэтому, как ни крути, а корень их точно, Большаковский. Тут не поспоришь. И наверняка после дедовских слов мам слезу украдкой смахнет и будет потом лежать на своей постели, не смыкая глаз всю ночь, уставившись в белое пятно от уличного фонаря на потолке. И будет всю ночь напролет беззвучно реветь в подушку, мокрую к утру от слез. Эх, мама, мамочка, родная... Ну уже теперь скоро, совсем скоро, свидимся. Каких-то два денька, моя дорогая и будем вместе. И радость будет нежданная, как снег на голову. Ну, здравствуй, сынуленька! Здравствуй мамочка!

Тут же на стене коридора – красочный плакат. На нем во всей красе и блеске младший лейтенант Большаков с Ледой зорко всматриваются вдаль, а за спиной у них крупным планом оба брата-близнеца Сычевы с серьезными лицами несут службу в дозоре. Что ни говори, а оба брата службу ревностно несут. Им есть с кого пример брать и на кого равняться. Все их старшие братья командиры РККА и не просто командиры, а герои-орденоносцы. Поэтому и младшим Сычевым никак нельзя ни в чем отставать. Вот потому на заставе, да и считай во всем отряде, они лучшие из лучших... Красивый плакат, броский. И надпись на плакате соответствующая: «Равнение на лучших!» Ну и так далее. Замечательный плакат! Хотя и не тщеславен был Никита, но под сердцем каждый раз екало, когда он проходил мимо плаката. Еще бы! На всю страну прогремел. Теперь в любой пограничной казарме, в любом клубе и в каждом штабе этот красочный плакат на самом видном месте: «Равнение на лучших!»

– Заходи! – навстречу ему из канцелярии шагнул его лучший друг, политрук заставы. Про таких как он, несмотря на все его молодые годы, можно с полной уверенностью сказать «слуга царю, отец солдату...» Не ошибешься. И у него просьба только одна: будет возможность – заедь к деду с бабкой в деревню под Вязьмой. Адрес такой...

– Не надо, не пиши, – Никита прервал друга. – Я помню. Не раз и не два рассказывал ему лучший товарищ о баб-

ке с дедом, о родной деревне, милом русскому сердцу прекрасном уголке. О неспешной реке с плавными изгибами, вдоль которой раскинулась деревня, о лесе, который подступает к реке с обоих берегов («А грибов там, Никита, видимо-невидимо, а ягод!») и об утренней зорьке вместе с деревенскими мальчишками («Поверишь, рыба так и плещется, словно просит сама, чтобы ты ее поймал поскорей...») – это особый рассказ. Заслушаешься. А какие там туманы, густые-прегустые, как молоко, в двух шагах ничегошеньки не видать, и как поют на рассвете петухи, один голосисте другого, встречая красное солнышко – слушать – не переслушать. Хоть товарищ Никиты тоже городской житель, но каждое лето на каникулах проводил в деревне у стариков, куда съезжались и его двоюродные братья. А для деда с бабкой каждое хоть и хлопот прибавляло: «Вона скоко внуков из города понаехало! – охали деревенские кумушки, – Цельная орава!» – было, несомненно, особым праздником. Это были сладкие хлопоты. Да и не хлопоты это. Отнюдь. Радость великая – это уж точно. А если просторный добротный дом наполнялся задорным детским смехом внучат, это еще и счастье добрым людям полной чашей. Не каждому такое дано.

– Замечательные старики у меня, Никита, замечательные! – с улыбкой и потаенной грустью вспоминал лучший кореш. – Такие – единственные на свете! А вот сейчас разом все выросли, разъехались кто куда, и нет у них больше такого праздника, чтоб все и сразу и на все лето...

И еще знал Никита из рассказов этих, что все стены в доме увешаны фотографиями домочадцев в рамках под стеклом, мастерски сработанных* дедом. И глядят оттуда на деда с бабушкой повзрослевшие внуки в военной форме. Все командиры и политработники. А у некоторых на груди и ордена поблескивают. У рыжеволосого друга Никиты («От мамы в наследство такую огненную шевелюру получил!» не без гордости говорил он) отец и мать – военные хирурги. Оба на Дальнем Востоке служат. Там и старший их сын службу сейчас проходит. Несмотря на молодость, отличился старший брат закадычного дружба. Танкист. Герой. Орденосец. Воевал на Халхин-Голе под командованием самого Жукова, тогда еще комкора. А это вам не фунт изюму.

А вот у друга Никиты, как и него самого, нет еще никаких наград. А впрочем, как оба считают, все еще впереди. Конечно же, впереди... А друг Никиты отмечен командованием округа за отличную службу именными часами. Это не медаль и не орден, но все равно многое значит в карьере молодого командира-пограничника.

Получая письма от родных из дальнего далека, он делился с Никитой тревожными новостями.

– Там знаешь как, на границе? – заговорщески сообщал Никите молодой политрук заставы. — Японцы. Самураи. Провокация за провокацией. Не спокойно.

Да и так было понятно – тревожно... То КВЖД, то Халхин-Гол, то озеро Хасан. Не сладко и беспокойно там,

на дальневосточной границе. Того и жди – отчебучат какую-нибудь пакость самураи, это для них раз плюнуть. Затаились пока... Выжидают сволочи.

И еще знал Никита: кое-кто из многочисленных двоюродных братьев молодого командира-пограничника сейчас несет службу на Дальнем Востоке. А там служба особого рода – форпост их любимой большой страны.

Да и к слову сказать, все двоюродные братья его рыжеволосого дружбана – все до одного! – военные, красные командиры. Кто летчик, кто танкист, кто сапер, а кто и простой пехотинец. Так что деду с бабкой в деревне под Вязьмой есть чему гордиться.

А что касается тревожных новостей, то им к такому обороту не привыкать. Сами живут как на вулкане: что ни день, то нарушение границы, а то и несколько нарушений за день. Особенно воздушной. Совсем обнаглели немцы! Дать бы им по зубам, как следует, враз бы всю охоту отбило. Но нет, нельзя им по мусалам врезать. Приказ наистрожайший с самого верху: проявить железную выдержку, не поддаваться ни на какие провокации. Ни на какие! Тошно было смотреть на обнаглевшие рожи экипажей самолетов люфтваффе, когда они, безнаказанно перелетев границу, садились в чистом поле. Развязанно и нагло заявляли при задержании пограничному наряду каждый раз одно и то же – потеряли ориентиры. Вынужденная посадка.

Только слишком часто за последнее время было этих «вы-

нужденных посадок» при «потере ориентиров». Ясное дело: немцы готовились к нападению, искали и проверяли места посадок своих транспортных самолетов и, уже не скрываясь, вели воздушную разведку на нашей территории, за одно проверяя бдительность и оперативность пограничников. Тревожное время наступило. Как оно там завтра сложится? Как? Никто не знал... Но точно знали одно: война будет. И не за горами.

Все шло к этому. Вот и перебежчики с того берега Буга докладывали неутешительное: немцы скоро нападут. Изготовились. Но снова, как ушат ледяной воды, рык грозного приказа с самого верху: огня не открывать ни при каких обстоятельствах! Возможны провокации. И, стиснув зубы, терпели, терпели, терпели... И каждый раз, как камнепад в горах, неумолимая команда «Застава-аа, в ружье!» взрывала и без того хрупкую тишину. И нервы у каждого – как натянутая тетива: Вот оно... Неужели началось?! Нет, пока еще не началось, слава Богу. Пока еще только очередная тщательно спланированная провокация с того берега Буга. Пока еще они, гады, в игрища свои паскудные играют не наиграются. Забавляются. Но верили и знали: случись что – за ними огромная родная страна и несокрушимая Красная Армия. А они-то уж точно в обиду никого не дадут. Никогда. Они —то уж точно врежут обнаглевшим гадам по пятое число. Врежут так, что мало не покажется.

«Мы мирные люди, но наш бронепоезд...»

Вспомнилось, как дед, когда запыляла гражданская война в Испании, любил частенько повторять слова из популярной песни тех лет: «...но наш бронепоезд стоит на запасном пути». Те годы были особенными для всей страны. На примере республиканской Испании они узнали подлинное лицо фашизма. И варварски разрушенная бесконечными бомбардировками люфтваффе Герника стала для всех них символом несокрушимой стойкости духа и решительной борьбы против нашествия на Европу, да что там на Европу – на весь мир, – коричневой чумы. Заразы не было страшнее...

Никита помнит как, на школьных собраниях вскидывал руку в знаменитом приветствии тех лет, сжав крепенький непогодам кулачок. «Но посаран!» – «Они не пройдут!» Вот-вот, именно, враги никогда не пройдут через наши границы. Не бывать такому! И тут, посреди непрерывного сомна тревог и волнений, – нежданно-негаданный подарок. Командировка в Москву! Такое и присниться не могло... Вот сюрприз, так сюрприз.

...Никита пообещал своему лучшему другу, что при первой возможности побывает у его деда с бабкой в деревне под Вязьмой. «Встретят как родного. Вот увидишь! Это для них настоящий праздник!» – заверил он Никиту. Впрочем, оно и понятно: дорогой гость с дальнего пограничья. В этом уверял его при расставании и сержант Сычев. На том и расстались...

А теперь в путь-дорогу. Впереди ждала Москва. А долгие

провода никчему. Долгие провода – большие хлопоты.

** Так говорили в деревнях про мастера-умельца, будь-то столяр, плотник, кузнец, жестяник, — не изготовил, не сделал, а именно сработал.*

** * **

*Совершенно секретно
Только для служебного пользования
Начальникам Политотделов Погран-округов,
Флотилий погранвойск
НКВД СССР*

Срочно!

*Указание № <...>
Главного Политуправления Погранвойск
НКВД СССР*

В газете «Красная Звезда» от <...> марта с.г. была опубликована большая статья «Равнение на братьев Сычевых» (на одной из фотографий, прилагаемых к статье, отображен момент вручения орденов в Кремле Всесоюзным старостой М. И. Калининым двум старшим братьям Сычевым), где говорилось о пяти братьях Сычевых, беззаветно служащих своей Социалистической Отчизне.

Трое старших братьев – командиры Красной Армии, участники боев с Финляндией, орденоносцы. Они, как чле-

ны ВКП (б), являются во всем достойным примером для своих младших братьев, воспитанников нашего славного Ленинского Комсомола, проходящих службу на N-ской заставе Особого Западного Погранокруга. Оба брата – отличники боевой и политической подготовки (один из них сержант, командир отделения), бдительно и зорко охраняют Западные рубежи нашей Советской Родины.

Чуть ранее в «Красной Звезде» рассказывалось и об отличной ратной службе и передовом опыте младшего командира той же заставы Никиты Большакова. Окончив с отличием курсы младших лейтенантов, он остался на своей родной заставе, куда прибыл служить еще два года назад по Комсомольскому призыву вместе со своей розыскной собакой Ледой. Младший лейтенант Большаков неоднократно поощрялся командованием отряда и Округа за безупречную службу и высокие показатели в боевой и политической подготовке. Имеет на своем счету задержание нарушителей Государственной границы. Он по праву является, как и было отмечено в «Красной Звезде», достойным продолжателем дела своего старшего товарища, героя-пограничника, Никиты Карацупы и его верного Ингуса.

Руководствуясь вышеизложенным, Главное Политуправление Погранвойск НКВД СССР настоятельно рекомендует внедрять по всем заставам, отрядам, авиаэскадрилиям, кораблям и воинским частям Погранвойск НКВД СССР передовой опыт службы и воспитания морально-волевых качеств

воина-пограничника, каковыми являются защитники западной границы N-ской заставы.

«Опыту пограничников братьев Сычевых и Никиты Большакова – достойное продолжение в наших рядах», «Равняемся на лучших!», «Так должен служить своей Родине каждый воин- пограничник!», «На суше в воздухе и на море, на севере и на юге, на востоке и на западе служим, как братья Сычевы и младший лейтенант Большаков», – вот предлагаемая тема комсомольских собраний, которые необходимо провести во всех комсомольских организациях Пограничных округов и флотилий в течение двух недель со дня получения данного Указания (Ответственные – начальники политотделов Погранокругов и флотилий).

Об исполнении доложить мне лично к 1 мая с.г.

Кроме того, Отделу пропаганды и агитации Политуправления Погранвойск в течение двух недель выпустить тиражом... тысяч экземпляров плакаты с фотографическим изображением пограничников братьев Сычевых и младшего лейтенанта Большакова со своей служебной собакой на фоне лучших воинов-пограничников N-ской заставы. На данном художественном плакате должна быть яркая броская надпись: «Так должен служить каждый воин-пограничник. Равнение на младшего лейтенанта Большакова и братьев Сычевых!»

Все плакаты размещаются по указанию Политотделов округов, флотилий на стендах в Ленинских комнатах, крас-

ных уголках, клубах, библиотеках, общежитиях младшего командного состава и в других специально предусмотренных для этого местах (Ответственные – начальники Полит-отделов Погранокругов и Флотилий – отделения пропаганды и агитации этих округов и флотилий). Об исполнении доложить мне лично к 1 Мая с. г.

На основании данного Указания и служебных аттестаций командования Западного Особого Погранокруга выйти с ходатайством лично к Народному Комиссару внутренних дел СССР тов. Л. П. Берии о досрочном присвоении очередных воинских званий (в качестве поощрения) всем младшим командирам на указанной N-ской заставе.

Начальник Главного Политуправления Погранвойск
НКВД СССР,
Генерал-майор <...>
«...» марта 1941*

* На указанный момент времени, конечно же, это было звание Армейского комиссара 3-го ранга, не ниже. Но я умышленно подождал это звание под более современное (начиная с 1943 года), дабы было более понятно современному читателю.

Глава 4. В Москву!

Получая довольствие на Леду, Большаков был срочно вызван посыльным в штаб отряда.

– Телефонограмма из штаба округа, – объявил ему дежурный. – Довольствие получить на двух собак. Вторую собаку разрешается выбрать по-своему усмотрению. Любую...

Так и оказался Бурьян в их компании в отдельном купе СВ. В нескольких таких вагонах, по отдельным купе размещались такие же младшие командиры, как и Никита, со своими четвероногими питомцами. У некоторых было по три и даже по четыре собаки. Вот это путешествие!

Здорово, конечно, что чья-то разумная голова в высоких штабах предусмотрела такой вариант, разведя каждого проводника служебных собак по отдельным купе во избежание собачьих свар и стычек. Шутка ли, когда столько собак собрано под одной крышей, будь они хоть трижды вышколенные служебные псы. У каждого свой характер и норы. Но все обошлось. Ехали до Москвы с шиком. На станциях, если позволяло время стоянок, выгуливая собак, они слышали удивленный обывательский шепот: «наверное, в Москву... на Первомайский Парад... Надо же...»

Конечно же, такое небывалое обилие собак и людей в пограничных фуражках могло насторожить и удивить каждого. Но по инструкции им сторого-настрого запрещалось всту-

пать в какие-либо разговоры с посторонними. Категорически! И только военные коменданты на больших станциях были оповещены о конечной цели поездки. Они и сами, как выяснилось в беседах между собой за двое суток поездки, толком ничего не знали. Строились лишь разные предположения, но не более. Сошлись на самом вероятном – все же их будут готовить к Первомайскому Параду на Красной Площади. Отсюда и такая секретность. Еще бы! На трибуне Мавзолея будет все правительство. Поэтому и строжайший наказ еще на местах перед отправкой: «Никому, ни о чем ни при каких обстоятельствах... Усвоили, товарищи лейтенанты? Особо секретное мероприятие. За разглашение – военный трибунал...» Только вот что разглашать они и сами ничего не знали. Ведали бы они, покуривая между делом в тамбуре, что в это самое время со всех погранокругов огромной страны в спешном порядке и в основном на транспортных самолетах перебрасываются такие же сборные команды со служебными собаками. Что всем им предстоит собраться вместе в час «Ч» на одной из секретных баз НКВД в ближайшем Подмосковье. И уж точно никто из них не знал и даже не догадывался, что за спешность такая, а тем паче, для чего и зачем такое количество проводников и служебных, великолепно вышколенных пограничных псов?

«Тук-тук-тук» стучали на стыках рельсов колеса вагонов. «Тук-тук-тук» в унисон им бились десятки молодых сердец. Эх, здорово! Повезло же им – в Москву на Парад! Будет по-

том, что ребятам рассказать на родной заставе. Повезет – и самого Сталина увидят на Мавзолее. Ух, ты-ы-ы!

Вот бы ребят сейчас сюда... Мечты, мечты! Скучает он по ним, а только день прошел. Как там балагур и весельчак белозубый Гиви и его закадычный дружок, хохол Богдан Костюченко, рассудительный не по годам? А как красиво и задушевно поет армянские песни всеобщий любимец Вазген Карапетян! Такого покладистого расторопного и неунывающего парня днем с огнем не найти.

Эх, ребятки, ребятки... Интересно, вспоминает ли о нем его лучший товарищ Ванька Колесников? Хотя забот и хлопот у него – хоть отбавляй. Были они одноклассники, а вот Ванька, не смотря на свою молодость, уже заместитель командира заставы по политической части. Веселый, улыбчивый, симпатичный. Эдакий крепышок. Песни под гитару поет – заслушаешься. От таких парней – девушки без ума. Есть и еще одно существенное обстоятельство, что в делах сердечных ему повезет больше остальных. Подтверждение тому – ярко-рыжий, с золотым отливом, ежик Ванькиных волос. За что и был прозван Золотым. Но Иван Иванович за свое прозвище не обижался и даже немного гордился им. Как же: такая красота ему досталась! Ведь недаром в народе говорят: рыжие – счастливики. Только есть тут одна заковыка... Кореш его лучший, впрочем, как и он сам... еще никем и не целованный. Парни brave, а вот получается такой расклад. Не до того им было, когда рвались служить на границу, а сей-

час уж и подавно не до девчат. Пусть они на них не обижаются. После все... Успеется, одним словом...

Служба на границе – превыше всего. «Тук-тук-тук» – по-прежнему весело стучали колеса и паровоз гудел призывно: «В Москву, в Москву – у-у!» А на душе было светло и радостно – петь хотелось. И любимчики его, Леда и Бурьян, рядом с ним. Здорово! И спутники его, практически все его ровесники, сияли от радости. Еще бы, им, младшим офицерам, командование такой праздник устроило! Понятное дело, заслужили, лучшие из лучших, но где граница и где Москва? Когда еще в жизни выпадет такое?

Будет, будет, что ребятам потом на заставах рассказать. А до страшной безжалостной июньской ночи, самой короткой в году, расколовшей навсегда их привычный мир на «до» и «после» оставалось меньше двух месяцев. Эх лейтенанты, лейтенанты! Знали бы, какая судьба вам уготована.

Совершенно секретно

Срочно!

Только для ознакомления указанным лицам

Приказ № <...> по НКВД СССР

1. <...> командующим погранокругов СССР в 3-х дневный срок командировать в Москву, в/ч № <...> (секретный учебный центр) кинологов-проводников погранвойск, из числа наиболее подготовленных и имеющих задержание нару-

ишителей госграницы, до десяти человек от каждого округа.

2. Всем вышеуказанным военнослужащим прибыть к месту общего сбора со служебно-розыскными собаками (от 2-х до 4-х собак на каждого человека) не позднее <...> апреля с.г.

3. Из западных погранокругов в/служащие прибывают на поездах дальнего следования (без пересадок) с использованием проездных литер «А-люкс» (по разряду высшего командного состава НКВД, в отдельных купе СВ) вместе с собаками.

4. Из округов, находящихся за Уралом и далее, обеспечить прибытие вышеуказанных команд на транспортных самолетах, о чем командующему транспортной авиации ВВС НКО СССР отдано соответствующее распоряжение.

5. Цель командировки со служебно-розыскными собаками не объясняется. В пути следования контакт с любыми посторонними лицами, в т.ч. и военнослужащими других родов войск строго запрещается.

6. По прибытии в учебный центр обеспечить повышенную секретность. Контакты с родственниками и иными лицами на все время пребывания в означенном месте – запретить, впредь до особого распоряжения.

7. У всех лиц взять подписку о неразглашении Государственной тайны соответствующего образца. Одновременно разъяснить им всю важность и секретность предстоящей спецподготовки, за малейшее разглашение которой они

будут немедленно привлечены к суду военного трибунала.

8. *Проезд в/служащих погранвойск, а также обеспечение их суточным довольствием (трехразовым горячим питанием) и дневного рациона служебных собак возложить на начальника тыла НКВД СССР, комиссара Госбезопасности 3-го ранга тов. <...>.*

9. *Контроль и проведение всех перечисленных мероприятий осуществлять непосредственно Первому зам. наркома НКВД СССР, комиссару Госбезопасности 1-го ранга тов. <...>.*

10. *О ходе исполнения настоящего Приказа докладывать лично каждые шесть часов ежедневно.*

*Нарком НКВД СССР,
Генеральный комиссар Госбезопасности
Л. П. Берия
«...» апреля 1941, Москва*

*Особо секретно,
Государственной важности
Срочно!*

*Дополнительное Распоряжение к вышеуказанному
Приказу:*

1. *Всем военным комендантам узловых станций НКПС СССР категорически запретить контакты посторонних лиц, в т.ч. военнослужащих любых родов войск с представи-*

телями команд погранвойск, следующих со служебными собаками в вагонах СВ в г. Москву.

2. Строжайшим образом не препятствовать выгулу собак во время стоянок поездов. Экскременты убираются и защищаются вспомогательным персоналом (дворники, уборщицы и т.д.) ж/д станций.

3. При обращении к ним старших вагонов оказывать всяческое содействие, в т.ч. и по обеспечению режима секретности.

4. В случае особой необходимости обеспечивать приданными силами (комендантскими ротами) оцепления вышеупомянутых вагонов для предотвращения нежелательных контактов с посторонними лицами.

5. О любом нарушении режима секретности немедленно докладывать по ВЧ-связи в Наркомат внутренних дел СССР.

6. Лиц, независимо от их принадлежности, проявляющих повышенный интерес к вышеуказанным пограничным командам, следующим транзитом на Москву передавать в местное отделение (Управление) НКВД, как подозреваемых в шпионаже в пользу иностранного государства.

Нарком НКВД СССР,

Генеральный комиссар Госбезопасности

Л. П. Берия

«...» апреля 1941, Москва

Глава 5. Уже шла война...

– В бою сам не за понюх табаку погибнешь и собаку погубишь, – веско замечал майор. —Поэтому прошу еще и еще раз усвоить, товарищи младшие командиры, что первая заповедь в нашем деле – не ошибаться ни на йоту. Собаки наши – безотказное оружие. Они минеры-подрывники. И лелеять и холить их должно, как детей. Ясно?

Он так и сказал «должно».

– Так точно, ясно! – дружно отвечал ему строй пограничников. Впрочем, уже не пограничников. Таковыми они остались в прошлом. А теперь они все – офицеры-проводники служебных собак спецподразделения НКВД СССР. Звучало грозно и внушительно, как впрочем и дело, которое им предстояло выполнять в ближайшее время. А оно было уже не за горами...

А пока напряженнейшие занятия, зачастую еще и ночью. Итак все дни напролет. День за днем, месяц за месяцем. Тяжело? Кто бы спорил, конечно же, тяжело. Дело новое, доселе еще не опробованное на практике. Многое приходилось начинать буквально с нуля. И главное, времени на раскачку не было. Спорили, докапывались до истины, «как» и «что» лучше, какая методика практичней и доступней. Споры у них допускались. В пределах разумного, конечно. Ведь все ребята в их отряде, командиром которого был май-

ор Ковалев, инструкторы-кинологи. И за плечами у каждого несколько лет службы на границе. А это вам не фунт изюму. Здесь и перестрелки и погони, и задержание вооруженных нарушителей. Да мало ли чего еще бывало, все разве упомянуть... В споре, известное дело, рождается истина. Поэтому, майор Ковалев, проводя занятия в учебном классе, вырабатывал вместе с ними продуманную до мелочей тактику действия: инструктор и собака-подрывник. Но на полигоне последнее слово всегда было за ним. Здесь уже не допускалось никаких возражений. Ни-ни...

И все в отряде знали, да и не только в отряде, пожалуй, во всем учебном центре, его любимую присказку: «Да у меня сам Ингус с руки ел...» До Москвы майор служил на дальневосточной границе. Так что мог и знать знаменитого Никиту Карацупу и его верного Ингуса. Все могло быть. Одно лишь совершенно точно. Кинологом он был великолепным, с большой буквы и командиром тоже. И сам он был, несмотря на солидную разницу в возрасте с подчиненными, первым во всем: и в стрельбе, и на полосе препятствий, и в спецподготовке. И в кроссе шел с лейтенантами на равных. Последнее особенно вызывало восхищение с учетом его комплекции: не сухошавый легкоатлет, а с мощной кряжистой фигурой борца. Все это многократно множилось на уважение и веру к такому человеку. Знали: с таким командиром не пропадешь. С ним хоть сейчас в бой.

...А уж если что-то было не так на практических занятиях

(полигон стал им домом родным за все эти месяцы), Ковалев, не церемонясь, использовал свой главный аргумент:

– Не потерплю и намека на отклонение от норматива. Только так, а не иначе. Я за ваши жизни в ответе. На войне все будет зависеть от вашей выучки, доведенной до автоматизма. Усеките это раз и навсегда.

И они «усекали». Усекали на все сто процентов. И вновь и вновь, обливаясь горячим потом, перепачканные с головы до ног грязью, впрямь и черти из преисподней, ей богу – с неукротимым рвением осваивали доселе неведанную науку побеждать... Казалось бы, что тут такого хитрого – тактика ближнего боя с применением собак-минеров? На полигоне, в чистом поле, все было гораздо сложнее и неприглядней. А на войне все будет для них непредсказуемо жестоко и смертельно опасно. О последнем они могли лишь догадываться, как и об истинном лице жуткого молоха войны. А он уже показал им свой лютый звериный оскал...

Однажды, едва забрезжил жиденький осенний рассвет, они, прибыв на полигон, своим глазам не поверили. Вот тебе и раз, дела – аа! Их ждали не макеты, пусть даже искусно сработанные под боевые машины с крестами на башнях, а настоящие фрицевские танки. Е-мое, откуда же их взяли? «Откуда, откуда» – пронесся шепоток по строю – «Оттуда», конечно... Из-под Ельни. Один, гляди-ко, совсем целехонький. Те, два явно подбиты были, а этот, как новый. У-уу, вражина.

На этот раз были собраны все отряды воедино и предстояло им увидеть... На позицию, в траншею выдвинулось три инструктора с собаками. Майор Ковалев, проводивший общее занятие, объявил громогласно:

– Боекомплект применяется настоящий.

– Как настоящий? – ахнул невольно строй. – Как так...
Ведь собаки же?

– Отставить разговоры! Боекомплект настоящий... Все, как на войне, товарищи младшие офицеры.

И отдал команду – приступить! И под грохочащую какофонию имитационных взрывов три собаки по очереди пошли на цели. Один взрыв, с интервалом другой, еще один... И черная жирная гарь запылавших вражеских танков. Все было кончено в считанные секунды. Это было неправдоподобно страшно и жутко. Невыносимо страшно и жутко. Как на войне...

А война уже шла, катила свой гигантский огненный вал все дальше и дальше на Восток. Все они с жадностью слушали скупые неутешительные сводки информбюро. Неужели все так ужасно?!... даже и предстать себе такое в самом кошмарном сне было невозможно. Вот как оно получается.

«Сегодня после продолжительных кровопролитных боев нашими войсками...» – неушительно и скорбно вещал леви-тановский голос из черной тарелки репродуктора – «оставлен город, город..., город...». Города и веси, города и веси на горькой, объятай громадными пожарищами русской зем-

ле. Сколько же сегодня досталось врагу? Сколько же своло-
чам достанется еще? И потери, потери, потери, – нет им кон-
ца и края. Мм-мм!... – зубами оставалось лишь скрипеть
от досады и беспомощности. – Да как же это так?! Почему?!
Почему?!

*Сверхсекретно,
Особой государственной важности
Срочно!*

Приказ № <...> ГКО СССР

*По ходатайству НКВД СССР и в целях приближения учеб-
ного процесса максимально к боевым условиям в специаль-
ных учебных центрах НКВД (собаки минеры-подрывники)*

П р и к а з ы в а ю:

*1. Предоставить в распоряжение НКВД СССР необходи-
мое количество трофейного стрелкового оружия, в том
числе и автоматического, годного для стрельбы (без задер-
жек при стрельбе), а также максимальное количество бо-
еприпасов к нему. Пополнять по первому требованию Нар-
комата внутренних дел такие учебные центры трофейным
оружием и боеприпасами к нему. (Ответственные за испол-
нение – Маршал Советского Союза К. Тимошенко и Нар-
ком НКВД Л. Берия).*

2. Доставить в Спец. учебный центр НКВД (собаки минеры-подрывники), в/ч № <...> (совершенно секретное), из района боев под Ельней несколько подбитых немецких танков, практически пригодных для наглядного учебного процесса. (Ответственные – РККА: начальник тыла РККА, генерал-лейтенант <...>, со стороны НКВД – лично нарком НКВД Л. Берия). Наркому НКПС тов. Л. М. Кагановичу предоставить необходимое количество железнодорожных платформ для доставки трофейной бронетехники от линии фронта к месту назначения.

3. Этим же приказом из РККА в распоряжение НКВД СССР откомандировать младших командиров с использованием в качестве преподавателей-инструкторов по огневой подготовке на полигонах Спец. учебных центров (собаки минеры-подрывники) в количестве... человек. Направляются только отлично зарекомендовавшие себя на фронте боевые командиры, вплоть до командиров рот и батальонов (вне зависимости от рода войск), в совершенстве владеющие и стреляющие из любого вида стрелкового, в том числе и трофейного, оружия.

4. При отборе кандидатов необходимо обращать также особое внимание на их морально-волевые и политико-воспитательные качества и способности. Отбор и направление в Спец. учебные центры НКВД СССР провести в недельный срок. Ответственными назначаются: от РККА – лично Маршал Советского Союза К. К. Тимошенко, от НКВД –

начальники *Особых отделов (управлений) фронтов и армий. Рекомендация последних при отборе кандидатов в преподаватели-инструкторы по огневой подготовке о б я з а т е л ь н а.*

*5. Откомандированные поступают в распоряжение НКВД (Спец. учебные центры) на срок, необходимый для обучения и совершенствование в стрельбе военнослужащих этих центров и могут использоваться в дальнейшем по службе с учетом интересов и задач, стоящих перед спецподразделениями НКВД.**

6. Этим же Приказом, по ходатайству НКВД СССР, всем откомандированным военнослужащим РККА через два месяца безупречной службы будет присвоено внеочередное воинское звание.

Председатель ГКО СССР

И. Сталин

«___» августа 1941, Москва, Кремль

Резолюция:

Тов. Тимошенко К. К.

Обратите внимание на мл. командиров, отлично воевавших под Ельней, при отборе кандидатов для НКВД.

И. Сталин

** Надо ли говорить, что эти супер-спецы использовались в трагические дни лета 1942, чтобы выбить горных стрелков знаменитой дивизии «Эдельвейс» с горных перевалов.*

лов большого Кавказа, когда впервые в мире применялись ими прицелы и приборы ночного видения, разработанные и созданные в секретных лабораториях НКВД СССР по личному указанию Л. П. Берия.

*Совершенно секретно
Срочно!
Начальнику тыла НКВД СССР,
Комиссару госбезопасности
2-го ранга, тов. <...>*

Выписка из приказа № <...> по НКВД СССР

Возлагаю на Вас выполнение Распоряжения № <...> ГКО СССР от <...> августа 1941 об увеличении ежедневной нормы питания офицерского состава и повышения рациона кормления служебных собак (минеры-подрывники) в специальном учебном центре НКВД СССР (войсковая часть № <...>, совершенно секретная), а также в других Специальных учебных центрах того же профиля. Об исполнении докладывать ежедневно, лично.

*Заместитель председателя
ГКО СССР,
Народный Комиссар внутренних дел,
Генеральный Комиссар Госбезопасности
Л. Берия
«___» августа 1941*

*Сверхсекретно,
Государственной важности
Молния!*

Выписка из Распоряжения № <...> ГКО СССР

По личному ходатайству Народного Комиссара внутренних дел СССР, Государственный Комитет Оборона СССР вынес распоряжение: Увеличить ежедневные нормы питания личного состава в Специальном учебном центре НКВД СССР (войсковая часть № <...>, совершенно секретная). Выдавать сверх установленной нормы на одного человека (младший командирский состав), ежедневно:

- молоко сгущенное <...> граммов (1 банка),*
- шоколад – 100 граммов (1 плитка),*
- колбаса сухого копчения – 200 граммов,*
- папиросы «Беломорканал» – 1 пачка,*
- сыр (твердых сортов) – 100 граммов.*

Кроме того, старшему командирскому составу (препо-

даватели, инструкторы, командиры отрядов – старшие спецгрупп) помимо вышеуказанного выдавать ежедневно 100 (сто) граммов армянского коньяка марки «КВ».

На основании данного распоряжения также следует увеличить ежедневный рацион кормления служебных собак (собаки-минеры-подрывники) в этом Спец. учебном центре в порядке:

- мясо в 2 раза
- овощи в 1,5 раза,
- рыбий жир в 2 раза,
- добавлять сухофрукты (изюм) 100 граммов.

Увеличение рациона кормления связано со сверхмаксимальными нагрузками при ежедневном обучении и использовании (кроссы по пересеченной местности) служебных собак и по наставлению (предложению) кинологической службы НКВД.

О выполнении доложить лично.

Председатель ГКО СССР,

И. Сталин

«__» августа 1941, Москва

Резолюция красным карандашом:

тов. Берия Л. П.!

Усиленные нормы питания в/с и повышенный рацион

кормления служебных собак (минеры-подрывники) моим распоряжением распространяются на все учеб. центры НКВД СССР по данному профилю.

И. Сталин

«__» августа 1941

Глава 6. Особая миссия

Вообщем, приуныли они от безрадостных сводок Совинформбюро. Скверное настроение после трагического вешания Левитана, скверное. А майор, их верный наставник, строгий учитель и командир, говорил после этих скорбных сообщений с какой-то потаенной теплотой и отеческой грубоватостью:

– Чего носы повесили, а-аа? Отставить тоску и уныние! Наше дело правое... Да и где наша не пропадала? Мы еще, как свернем Гитлеру его поганую шею, поносим свои зеленые фуражечки. Обязательно поносим. А пока нам, мужики, надо вкалывать до седьмого пота. Время не ждет. Уже скоро...

И после таких слов они «вкалывали» на полигоне, как оглашенные. Еще, еще и еще раз отработывая все до ювелирной точности – время не ждет. Скоро уже... Скоро. Нелегко было не только им. В первую очередь доставалось – Будь здоров! – четвероногим питомцам, их главному оружию. И несмотря на доп. паек, который включили в рацион четвероногих подрывников, потощали они изрядно. Такая была у них нелегкая собачья доля. А что им предстояло, особенно после увиденного «воочию», врагу не пожелаешь. «Оттуда» не возвращаются...

А пока бесконечные кроссы, полоса препятствий с пре-

одолением водных преград, грохот стрельбища и стремительный выход – бросок к «цели» с поклажей на спине и такое же стремительное возвращение к обожаемому хозяину. Но это только «пока», такое возможно только сейчас. И пусть эти минуты будут для них вечностью. Пока вечностью... И надо ли говорить, что они относились к своим питомцам, как к детям. Ни больше, ни меньше. И, наверное, если бы относились иначе, не было бы таких ошеломительных результатов в связке проводник-собака, того полного взаимопонимания, порой практически без слов. Такое бывает только от большой любви к четвероногому другу, от огромного взаимного обожания. Так-то...

Им добавили занятий – казалось, куда бы еще больше? – на спец. полигоне и на стрельбище, где учили стрелять из уже появившегося арсенала трофейного оружия. И днем, и ночью. В присутствии собак и без них. Учили стрелять из разных немислимых положений, в том числе и движении, по-македонски*. И кроссы, кроссы, кроссы. Изнуряющие, по полной выкладке, с дополнительным запасом боекомплекта. И тут же, на финише, вновь стрельба. Какой вид? А это уже как инструктору заблагорассудится. А упражнения раз от раза были сложнее и сложнее, изощренней. И мишеней, которых надо было положить с первого выстрела или с первой очереди, становилось все больше и больше.

Поначалу результаты были неутешительными. Еще бы! Пот градом, глаза застилает пелена усталости, а сердце бу-

хает так, что готово выскочить из груди и умчаться к этим проклятым мишеням, чтобы разорвать их в клочья. Но дело, как известно, мастера боится. И если стрелять день и ночь подряд, если это Самоцель, то результат будет. Придет сам собой. И они стреляли: сперва не ахти как, а через месяц интенсивной подготовки – уже как Боги. И стреляли из всего, что у них было под рукой. А под рукой было многое: и трофейные пулеметы, и автоматы, и пистолеты, и винтовки. Чего только в этом арсенале не было: горы оружия. Вообще, как говорится, стреляй не хочу. И стрелять их учили первоклассные знатоки своего дела. Таких поискать еще надо. Ну, а после того, как они «испробовали» настоящие фрицевские танки, да еще «в живую», такому изобилию трофейного оружия удивляться не приходилось. И никто из них не знал и вряд ли уже теперь знает: какой ценой и каким количеством пролитой солдатской крови были добыты в бою эти самые танки. Будь они трижды неладны! И какими правдами и неправдами были доставлены на полигон учебного центра. Сколько жизней было заплачено за то, чтобы вот так обыденно прозвучала команда майора Ковалева:

– Выход на цель! Приготовиться! Впере-ее-д!

Ну, а если честно, всем им по душе пришелся немецкий ручной пулемет МГ. Вот это вещь! Нам бы такой...

После изнурительного дня Никита, как и, впрочем, все его сослуживцы, валился с ног. Лишь прозвучит команд «Отбой», он падал без чувств на койку и спал без сновидений.

Спать! Казалось, только коснулся щекой подушки, а уже звучит команда «Подъем!». Эх, елы-палы, поспать бы еще часок. Несбыточная мечта, даже в воскресный день. Железный распорядок был расписан на все семь дней в неделю и загодя вперед. Домой попасть – несбыточная мечта. Хоть и до Москвы несколько часов езды, но... В первый день, как прибыли в столицу, их прямо с вокзала, погрузив в машины, без остановок и сюда – в ближайшее Подмосковье. На «базу». Хотел сделать маме сюрприз – не получилось. Нежданная встреча и радость нежданная, только... Еще в штабе отряда перед отправкой в Москву ему строго-настрого наказали: никаких телеграмм, никаких сообщений домой. В Москву, тем более.

– Ознакомьтесь – секретная инструкция и распишитесь о неразглашении, – голос старшего командира сух и беспристрастен, нетерпящий намек на возражение. – Вам все ясно, товарищ лейтенант?

– Так, точно!

Но с мамой удалось свидеться. Помог Ковалев, добился у Начальства для Никиты краткосрочного однодневного отпуска. Было это в начале июня. Теперь все: и подавно не отпустят. Какие могут быть свидания – война... Оно и понятно: дело предстоит чрезвычайной важности. И название им дано особое – спецотряды НКВД СССР. А это – не фунт изюму, с учетом что им *суждено* выполнять. На них возложена задача особой важности. Не каждому их товарищу по заста-

ве была доверена такая особая миссия. А только именно им, лучшим из лучших представителей погранвойск. Так то... И потому каждый день от зари до зари – напряженные занятия. Иногда на пределе человеческих сил. Потому и каждый новый день был насыщенней и напряженней предыдущего. И все они сознавали, что война не потерпит малейшего разгильдяйства и даже слабенького, ничтожного недочета в их подготовке. «Фашист – вояка матерый!» – наставлял их один из инструкторов, сам в недавнем прошлом боевой командир, окопник. И зло добавлял, чертыхаясь: «А кто со мной не согласен, может обращаться в особый отдел. Понятно дело, что внезапно. Понятно дело, что коварно. Только мы, как включили „драп“, так и без оглядки на полной передаче от самой границы до Москвы. Потому он и лупит нас и в хвост и в гриву, что злости в нас никакой. Чуть что, ноги в руки и бежать. Так и до Урала можно добежать. А на войне воевать надо. Воевать! Чтоб не тебя фашист, а ты его в хвост и в гриву колошматил. Одна беда: нет в нас этой злости. Да и стыда нет, пол России уже просрали, аники-воины».

А ведь прав был старлей-фронтовик. И по сути и по форме – все верно сказано. Чего уж больше. Танкистом был старлей, лиха хлебнул через край в эти самые горькие месяцы сорок первого. Но в учебке засиживаться не хотел, забрасывал начальство рапортами – отправьте на фронт и точка! Да и других бывалых фронтовиков послушаешь – ежик волос дыбом встает. Кошмар! Не так прост фашист. Коварен и си-

лен. Еще как силен! Дерется отчаянно, нам бы так. Э-ээ-х!..

И все же, какие они, фашисты, на самом деле? – этот вопрос ежедневно мучил каждого. Неужто такие непобедимые? Или... А что «или»? Фашист к Москве подбирается все ближе и ближе. Чтоб ему пусто было, сволочуге! Не дождешься, гадина: хрен тебе в горло, а не Москва. Потому и настроение на всех одно: на фронт, скорей бы! Только туда, чтобы остановить лавину стальных полчищ, пусть даже ценой собственной жизни. Так рассуждали они, «пусть даже ценой собственной жизни», потому что по сути своей были еще мальчишками, хоть и младшими командирами погранвойск в недавнем своем прошлом.**

И все же час объявления отправки на фронт был для них полной неожиданностью...

* «Стрельба по-македонски»... в движении, при динамичном сближении с противником, с двух рук. Такая стрельба требует колоссального навыка.

** «Младшие командиры». Слово «офицеры» в 41-ом не культивировалось. Широко стало практиковаться с лета 43-го, с введением погон и звездочек на них.

*Сверхсекретно
Срочно!
Экземпляр единств.*

*Докладная записка № <...>
Народному комиссару Внутренних дел,
Генеральному Комиссару Госбезопасности
Тов. Л. П. Берия*

*В соответствии с Приказом № <...> ГКО СССР доклады-
ваю:*

*1. 4 (четыре) немецких танка в относительно годном со-
стоянии (один из них практически пригоден к возждению) до-
ставлены в Специальный учебный центр (в/ч № <...>, совер-
шенно секретная) и находятся в н. время на его полигоне.*

*2. Туда же доставлено переданное от РККА трофейное
стрелковое оружие (без задержек при стрельбе) и необхо-
димое количество боеприпасов к нему. Такое же количество
трофейного оружия и боеприпасов к нему передано в спе-
циальные учебные центры Уральского и Сибирского окру-
гов внутренних войск НКВД. Все доставки по учебным цен-
трам мною лично проконтролированы. (Список по количе-
ству оружия и боеприпасов прилагается к данной доклад-
ной). По мере поступления от РККА трофейного оружия
и боеприпасов к нему оно будет распределяться по вышеука-
занным учебным центрам в соответствии с Вашим указа-
нием.*

*3. Распоряжение ГКО СССР и Приказ по НКВД СССР
относительно повышения продовольственного довольствия
и дополнительного питания военнослужащих этих учебных*

центров, а также увеличения ежедневного рациона кормления служебных собак выполняется неукоснительно и лично контролируется дважды в сутки. В отношении служебных собак так же осуществляется контроль кинологической и ветеринарной Службой НКВД (справки прилагаются).

Согласно Вашему личному Распоряжению мною в срочном порядке приказано сократить сроки носки специального обмундирования (маск. халаты и нижнее утепленное белье) и обуви для военнослужащих этих учебных центров. Пришедшее в негодность обмундирование заменено на новое. По мере износа спецобмундирование будет заменяться на новое по первому требованию. То же самое касается и обуви. Так же заменена и пришедшая в негодность спец. амуниция для служебных собак (ошейники, поводки, шлейки, подсумки для переноса взрывчатых веществ и т.п.). По мере износа амуниция для собак будет заменяться на новую по первому требованию.

По всем пунктам настоящей докладной контроль осуществляется мною лично ежедневно, не реже двух раз.

Начальник тыла НКВД СССР,

Комиссар Госбезопасности

2-го ранга <...>

«__» августа 1941

Сверхсекретно

Срочно!

Экземпляр единственный

Докладная записка № <...>

Наркому Внутренних дел СССР,

Генеральному Комиссару Госбезопасности

тов. Л. П. Берия

По Вашему личному Распоряжению проведена проверка служебных собак (минеры-подрывники) в специальных учебных центрах НКВД СССР (№№ <...> войсковых частей, совершенно секретных, перечислены), условия их содержания, вакцинация и т. п. Нормы кормления повсеместно соблюдаются неукоснительно в соответствии с Распоряжением ГКО СССР о повышении рациона кормления служебных собак в перечисленных учебных центрах. Ветпомощь на местах оказывается в должной мере. Все необходимые вакцины (прививки) и лекарства имеются в наличии и содержатся в должном состоянии. Повсеместно ведутся журналы учета прививок по каждой собаке. Вся документация по учету и контролю на местах ведется в соответствии с предъявляемыми требованиями и ведомственными инструкциями ветеринарной службы НКВД СССР. Санитарно-гигиенические нормы соблюдаются. Все собаки, независимо от по-

ла, содержатся в отдельных вольерах. Больных собак при самом тщательном осмотре не выявлено. Согласно Вашему Распоряжению, все ценные суки взяты ветеринарной службой на особый контроль и выведены (выбракованы) из разряда служебных (боевых) собак. Совместно с кинологической службой НКВД эти собаки будут в дальнейшем использоваться для племенной работы. По мере необходимости (по заключению ветеринарной службы) возможно их использование по назначению, но не менее чем через год после рождения щенков. Поименный (клички) список собак, годных для прохождения службы и обучения, по каждому учебному центру, прилагается. Поименный (клички) список собак (ценные суки), выбракованных из разряда служебных (боевых), с использованием их в дальнейшем для племенной работы, по каждому учебному центру, прилагается.

Начальник ветеринарной службы НКВД СССР,

техник-интендант

1-го ранга <...>

«___» августа 1941

Глава 7. Первый трофей и «Очи черные» в деревне Веселки

Настроение у Шульца за последние дни хуже некуда. Кошмар какой-то. Так продолжаться больше не может. Иначе... Иначе он попросту сойдет с ума. И причиной тому – мерзопакостный сон, который вцепился в его мозг мертвой хваткой. Не оторвешь... Стоит лишь только закрыть глаза – на тебе! Опять эта проклятая чертовщина. Вот же дьявол! Давно этот сон преследует его, стелется мрачной тенью... В последние дни особенно. Говорят, рыжим везет. Ага – держи карман шире! Вот оберлейтенант, что прибыл к ним после гибели ротного тоже был рыжим. Даже не рыжий, а с каким то золотистым отливом волосы у него. Как у того русского пограничника под Брестом. И что? Укокошили его русские первой же атаке. А говорят, что рыжим больше фортуна улыбается. Враки все это.

Хоть и старался он выглядеть прежним Шульце-везунчиком, но в душе у самого кошки скребутся. И не нашептывания о русских собаках-смерниках, хотя парни в их роте утверждают, что это настоящие русские волки, и не первые крепкие морозы, – а все этот проклятый сон действует ему на нервы. Вот тебе и железный незгибаемый Шульце-везунчик! Был, да весь сплыл. А может, он просто подустал как все

за последний месяц? Может, нервы подрастались? Нет. Виной всему этот проклятый сон. Сон, сон, сон... Точнее явь, которая произошла с ним в первые часы за Бугом и теперь неотступно преследует своими кошмарами. Люто преследует, зараза. И гложет, гложет и гложет в коротких горячечных снах.

Он перешагнул безбоязненно через убитых русских пограничников, заметив рыжеволосого лейтенанта. Точнее, добротные часы у него на запястье. Только коснулся его руки, расстегивая ремешок, как он застонал. Жив! Русский открыл глаза. О, майн готт! Сколько же в них боли и тоски! Но еще больше в них было ненависти. И не успел Шульце отпрянуть от него, как хрипя простреленной грудью, русский лейтенант плюнул ему в лицо. Вне себя от ярости, Шульце бил и бил его своими кованными сапожищами. А подустав, выстрелил в лицо русскому из винтовки. И поспешил за удаляющейся цепью батальона, прихватив свою первую добычу. Гордился ею. Еще бы такой добычи ни у кого не было в их роте! Нет, конечно же, часы у парней были и по несколько, но именно таких – ни у кого. Потом переводчик из полка прочел ему гравировку на крышке часов: «Лейтенанту такому-то (Колесникофф, кажется, эти проклятые славянские фамилии, язык сломаешь!) – за отличную службу от командования округа». Он часто показывал свой трофей сослуживцам. Не хвастаясь, нет, а как старый закаленный в боях воин гордится своей заслуженной наградой. Как железным

солдатским крестом. «Старики», не многие из тех уцелевших, кто был с ним там, под Брестом, молча отворачивались или советовали выбросить часы. Почему? «Плохая примета, Курт...» – веско замечали ему. «А ну вас в задницу, – отмахивался Шульце, – вам вечно не угодишь». Тьфу...

А ты вспомни, как они достались тебе. То-то же... Выброси их от греха подальше. Ага, разогнался, как же – выброси. Не дождетесь. Молодежь из пополнения, цокая языками, восхищенно глазела на трофей фельдфебеля. Ух, ты-ыы! Часы русского лейтенанта «за отличную службу». О-оо, вот это настоящий трофей. Везет же этому Шульце... Счастливчик, надо сказать, этот фельдфебель! Будет что показать родственникам на фатерлянд после скорой победы. Но кто бы только знал, какие кошмары преследуют его по ночам...

А может быть, действительно выкинуть эти часы и дело с концом? Нет! Назло всем сохранию их, а то подумают, что Курт Шульце и вправду испугался. Еще чего... Сглазили его трофей завистники, сглазили. Напустили порчу. Стоит лишь ему забыться коротким сном, как вновь и вновь впиваясь в него горящие ненавистью голубые глаза русского лейтенанта-пограничника. Бр-рр... И плевок липкой слюной – не отодрать, ни стереть – покрывает его лицо, мешая вздохнуть полной грудью. О, майн готт! Проклятье, будет ли этому конец когда-нибудь?! А сегодня ему еще приснились цыгане, эти недочеловеки, которых они бросали под огненный смерч. Как же они вопили тогда, Господи! Их кожа на лице

мгновенно трескалась и пузырилась от колоссального жара струи огнемета, и оплывало как свеча, и сами они тут же полыхали факелами. Горите в геене огненной!

Ну и нажрались они тогда с парнями шнапса, обмывая его железный крест за Смоленск. Этот древнеславянский город, сплошь в пожарищах, они все-таки отбили, несмотря на отчаянное сопротивление русских. Smolensk – ворота на Москву. Венец всей восточной кампании. Командир батальона рассказывал, что поляки хотели посадить на трон Московии самозваного царя. Русские, эти свиньи, поверили в своего избавителя и распахнули перед ними ворота Кремля. Ублюдки. Правда, было это совсем давно, еще в доблестные рыцарские времена. Но вот эти самые стены Смоленска, как ни штурмовали поляки, – недоумки, что с них взять, – так и не смогли после многомесячной осады. Поляки... Такие же подлые выродки-славяне. Придурки! – пустили кавалерийский корпус под гусеницы наступающей танковой дивизии в тридцать девятом. Потеха!

Smolensk. Наверное, за всю восточную кампанию так отчаянно не дрались Иваны. Даже были минуты, когда Шульце зауважал их. А то от самой границы и до Десны – только жара, пыль дорог и бесконечный многокилометровый марш, когда горят ноги, будто побывали на раскаленной сковороде, и мучает нестерпимая жажда. Что за проклятая страна, в которой все дороги ведут в гору? С ума можно сойти на такой дикой жаре. И ни одного русского с ружьем... Эй, Ива-

ны, вы где попрятались? А на встречу им лишь понурые серые от пыли колонны пленных. Такие длинные, что казалось уходят за горизонт. И так каждый день. Они – на восток, колонны пленных – им навстречу, на Запад. Тогда Шульце, как и многие парни в их роте, молил Бога только об одном: пусть хоть какой-нибудь бой, хоть какая-нибудь перестрелка. Все развлечение! А не эти изнуряющие на безжалостной жаре ежедневные марш-броски, когда на твоих плечах повешено столько всякого. Зачем им столько оружия и патронов, если русские сами сдаются без боя? А ноги их стерты в кровь, а легкие, кажется, навсегда забиты дорожной пылью. Господи, будет же когда-нибудь этому конец? Где они, русские? Разбежались все, что ли? Чёрт бы их побрал! Эй, Иван, выходи! Стрелять будем. Но навстречу им снова и снова только колонны пленных, жалко мнущихся к придорожным канавам. И это отребье называлось непобедимой армией Сталина? Стадо свиней... И вот Смоленск... Да им нелегко пришлось. Жарко было. Иногда даже закрадывалась подлая мыслишка: а что, если бы русские дрались вот так всегда, от самой границы? Что тогда? Дошли бы они за месяц с небольшим так глубоко в самое сердце Московии? Вряд ли...

В общем, туго им пришлось. Потому и шнапс лился рекой, и гуляли на славу. А как же – выбили проклятых Иванов из Смоленска, а тут и долгожданная награда подоспела. Гуляем! Через такое прошли, потому и заслужили этот празд-

ник. Вот и повеселились они в той русской деревне. Он и название запомнил – «Весёлки». Когда им переводчик сказал, что это означает, вот смеху-то было. Весёлки... Ха-ха-ха! Кто-то из подвыпивших парней прибежал и сказал, что там цыгане прячутся на огородах, на окраине деревни. «Ну, сейчас мы им покажем!» – заревели парни. Все уже к этому времени набрались хорошо. Но на ногах еще держатся. Похватили оружие и – вперед. Сперва их заставили петь «Очи черные». Спели и замолчали. Трясутся от страха. Цыганки детишек своих чумазых прижимают. Будто догадываются, что сейчас произойдет. Стервы! Парни орут:

– А ну, смотреть веселей! Веселей! Плясать всем... Плясать всем, мать вашу цыганскую! Шнель! Шнель! А ты чего застыл, как истукан? Ах, ты цыганский барон... Вот оно что... Ну тогда тем более пляши. Не хочешь? Плясать не хочешь? Тогда получай. И со всей силы саданули под ребра стволом винтовки. Он даже взвыл от боли.

Больно? А ты как думал? Не хочешь плясать для солдат великой Германии, не хочешь? Ах, ты, бородатая образина! Сейчас ты у нас попляшешь, сейчас завоюешь... Сейчас вы у нас все попляшете... Пока не поздно, хватай свой поганый бубен и давай пляши! Пошел, пошел! Шнель! Шнель!

А во всем табаре он – единственный мужчина, не считая сопливых цыганят. Но они не в счет. Парни хоть и набрались хорошо, но соображают...

– Где остальные? – орут парни. – В красную Армию по-

шли?

Цыган головой лохматой мотает, мол не понимает о чем речь. Прикидывается, конечно.

Ах, ты, гнида цыганская... Ах, ты... Один из наших – хрясь его прикладом. Видать хорошо приложился. Валяется цыганский барон по земле, стонет. Голова вся в крови. Бормочет что-то, вращая белками глаз. Видно проклинаят нас.

– Где остальные?! Говори, скотина! – не унимается ударивший. – Ну?!

А старый цыган все продолжает и продолжает бормотать проклятья. Тут уже и у других парней нервы сдали – давай лупить его чем попадя. Колотят его, а цыганки визжат, как взбесились, бросаются на солдат. Суки! – лица пытаются своими грязными когтищами расцарапать.

– Ах, твари!

Шульце рванул с плеча карабин и пальнул по ним. Задеть никого не задел, но они ненадолго присмирели, затихли. Сообразили, что с ними чикаться никто не будет. А парни рассвирепели не на шутку... Тут прибегает адъютант командира полка. Запыхался, пот утирает. Потребовал кончать с этим балаганом. Парни взревел от радости – во-во, именно с «балаганом». Кончать, так кончать, давно бы так...

Вместе с адъютантом прибыло несколько огнеметчиков. Скажу откровенно: огнемет – штука офигенная. Не раз выручала нас под Брестом, а про Смоленск – и говорить не стоит. Как увидят Иваны живые факелы своих товарищей, са-

ми пачками начинают сдаваться. Одно дело умереть от пули, пусть даже разрывной, но когда так... Бр-рр... А человек-факел орет дико и мечется безумно среди траншей. Все от него врассыпную, кто-куда. А это огнеметчику только и надо. Смотришь, уже и другие Иваны запылали. А живые бегут, кто куда, ничего не соображая. Психологическое воздействие на остальных – лучше некуда. Тут вся загвоздка незаметно к позициям Иванов подобраться. А все остальное лишь дело техники...

Их пьяное развлечение подпортила одна деревенская старуха. Что-то крикливо выговаривала адъютанту, а потом вцепилась старая уродина когтями ему в лицо. Расцарапала. Шульце, хоть и пьян был в стельку, но с одного удара сшиб косматую ведьму на землю и, не давая опомниться, потащил ее за космы туда, где уже превратились в головешки цыганские убудки. Давай и ты туда же, русская ведьма! Гори-гори ясно, чтобы не погасла...

Кажется и еще несколько ретивых старух и какой-то старик угодили под струи огнеметов. Чтоб не повадно было за цыган заступаться! На офицеров Вермахта бросаются варвары... Еще чего не хватало! Распоясались недочеловеки. Мы, вам, покажем! Это их сыновья краснофф-армеец жгут их парней из панцер дивизий своим варварским коктейлем а-ля молотофф. Это они стреляли по нему на улицах Смоленска.

Горите вы все в этом очищающем арийском огне! Ха-ха-

ха-ха! Дойчланд, дойчланд, – юбер алесс! Германия, Германия – превыше всего! Так поступать приказывал фюрер.

– Убивайте каждого русского, кто бы он ни был. Убивайте, не задумываясь, что перед вами старик, женщина или ребенок. Убивайте, убивайте, убивайте! За вас буду отвечать я!

Так нужно для великой Германии. С нами Бог!

Ох, и повеселились они от души в этой русской деревне Весёлки.

А потом они чуть не угодили под гусеницы русских тридцатичетверок. Еле-еле ноги унесли. Откуда они взялись на их головы? Как с неба свалились.

Глава 8. Октябрьским вечером

(Самая короткая в повествовании)

Москва... Вечереет... Сквозь высокое окно та же безотрадная картина. Тусклое октябрьское солнце, едва пробиваясь сквозь низкие свинцовые тучи, казалось, зацепилось о зубчатые стены Кремля. Одно хорошо – раз такая погода, вряд ли можно ожидать налета фрицевской авиации. Хотя... По ковровой дорожке вдоль длинного стола для совещаний с известной всему миру трубкой в руке неспешно расхаживает Верховный. Неимоверная тяжесть давит, гнет его плечи. Кто бы только знал, как тяжела она – Шапка Мономаха! Немыслимая нечеловеческая тяжесть! И он постоянно, из года в год, прет на себе этот груз ответственности, эту непомерную ношу. Так и свалиться недолго, а тут еще война.

Война... Он напряженно думает. Что занимает его мысли сейчас, когда он один на один с собой в этом знакомом до мельчайших под робностей рабочем кабинете? Мысли о старшем сыне Якове? Или о том, как младший, Василий, игнорируя все запреты отца – его запреты – сбежал на фронт простым летчиком? Он усмехнулся в прокуренные усы – сбегают с фронта трусы и подлецы, а на фронт уходят воевать настоящие мужчины. А немцы уже под Москвой, все ближе и ближе... А Ленинград в кольце блокады, лютуют сволочи,

да-аа... Дела... Эх, Яша, Яша...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.